

Александра Афанасьева

**Попаданка на отбор.
Невеста для двоих**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
А94

Афанасьева А.

А94 Попаданка на отбор. Невеста для двоих / Александра Афанасьева. – М.: Литнет, 2026. – 204 с.

ISBN 978-5-521-99736-7

Очнуться в чужом теле – страшно. Очнуться в теле аристократки, которая должна выйти замуж за нелюбимого – еще страшнее. А когда выясняется, что жених скрывает любовницу, родители плетут интриги, а магия вдруг призывает меня на отбор к принцу, вместо выбранного родителями жениха – остается только выживать.

Знак информационной продукции согласно Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99736-7

© Литнет, 2026

© Афанасьева А., 2026

Глава 1

– Эля, где тебя носит!

Джеффри, мой начальник, стоит посреди зала, как грозовая туча в дешёвом пиджаке. Его лицо покраснело, жилка на виске отчаянно пульсирует.

Воздух в крохотном офисе пропитан запахом старого кофе, пыли и вечного напряжения. Скрип несмазанных стульев, тихий перешепот коллег за компьютерами – этот знакомый звуковой фон обрывается, едва я переступаю порог.

Тишина наступает мгновенная, звенящая. Я чувствую на себе взгляды остальных курьеров – сочувствующие, любопытные, уставшие. Они притихли, стараясь не привлекать внимания.

– Я только выполнила заказ и спешу за следующим, – мой собственный голос звучит удивительно спокойно, почти отстранённо. Я держу спину прямо, подбородок слегка приподнят. Вид максимально собранный, профессиональный. Внутри же всё сжимается в холодный, твёрдый комок. Спорить с Джеффри, когда он в таком состоянии, – всё равно что тыкать палкой в разъярённого быка. Бесполезно и опасно.

На стол передо мной с тяжёлым глухим стуком шлёпается массивная папка с документами. От удара вздрагивает чашка с остывшим кофе.

– Метнись и отвези это по адресу, указанному в накладной, – рычит он, тыча пальцем в злополучную папку. – Не успеешь до конца рабочего дня, завтра на работу можешь не возвращаться.

Уж больно требователен заказчик.

Последнюю фразу он произносит с какой-то особой, знакомой мне ехидной интонацией. Это его коронное выражение, универсальное оправдание для любой срочности и любого беспредела. Краем глаза я отмечаю пустые стулья – в офисе кроме меня ещё несколько человек. Сердце ёкает от внезапной дерзости.

– Если осталось так мало времени, зачем было меня ждать? – слышу я свой вопрос, прежде чем успеваю его обдумать. – Ты мог отправить кого-нибудь, кто уже приехал и сидит без дела.

Мгновенная тишина становится гробовой. Джефри медленно, как бульдозер, разворачивается ко мне. Его маленькие глазки сужаются.

– Тебя забыл спросить! Работать! – его слова, грубые и властные, ударяют по щекам, словно пощёчины.

Внутри всё закипает. Тысячу раз я давала себе тихое, но страстное обещание – сжечь этот душный офис, уйти, найти что-то лучшее. И тысячу раз реальность, холодная и безжалостная, напоминала мне: ничего удачнее пока не подворачивается. Ничего.

Я хватаю папку. Она неожиданно тяжёлая, будто налита свинцом. Не прощаясь, не глядя больше ни на кого, я разворачиваюсь и вылетаю на улицу.

Прохладный, предгрозово́й воздух встречает меня как освобождение. Я делаю глубокий вдох, пытаюсь унять дрожь в руках, и бросаю взгляд на наручные часы. Сердце падает куда-то в сапоги.

Двадцать минут. Всего двадцать жалких минут, чтобы пересечь половину города. В любой обычный день, под ласковым солнцем, это была бы лёгкая прогулка. Но не сейчас.

Небо над головой – зловещее полотно, затянутое густыми, чёрными тучами. Они клубятся, наливаются свинцовой тяжестью, готовые вот-вот разверзнуться. Воздух плотный, заряженный молчаливой яростью надвигающейся грозы.

Будь у меня, как у других, права категории «В» и служебная машина, я бы просто включила дворники и поехала. Но моя судьба – права категории «А». И моя свобода, и мое проклятие.

С отлаженными, почти механическими движениями я раскрываю кофр своего верного железного коня – потрёпанной, но безотказной «Ямахи». Аккуратно, будто укладываю спать ребёнка, помещаю туда злополучную папку. Затем резким, привычным жестом натягиваю шлем.

Мир снаружи становится чуть тише, чуть дальше. Поднимается резкий, порывистый ветер. Он хлещет по ногам, пытается сорвать с плеч куртку, словно предупреждая, отговаривая: «Не езд, останься».

Но делать нечего. Работа есть работа. Эта простая, беспощадная мантра крутится в голове. Если сейчас сорву срок, лишусь не только этой доставки – лишусь всего. Денег не будет. Совсем. А значит, нечем будет платить за ту крохотную, съёмную клетку, что я называю домом.

Попросить в долг? Не у кого. В памяти всплывает старая, горькая мысль, отшлифованная годами: вот она, судьба одинокой сиротки. Без подушки безопасности, без спасительной сети родственных связей.

Я завожу мотоцикл. Рев двигателя заглушает вой ветра. Чудом окончив девять классов, я сразу же бросилась в омут взрослой жизни.

Сначала была пешим курьером – ноги стирала в кровь, но училась городу, его жилам-улицам. Потом, видимо, в награду за усердие, меня отправили учиться на права. Я плакала тогда от счастья, увидев в этом шанс. А потом директор, с видом благодетеля, вручил мне ключи от этой самой «Ямахи» – старенькой, поцарапанной, но своей. Я была на седьмом небе.

А затем пришло понимание. Медленное, холодное. Бензин – за мой счёт. Масло, резина, бесконечные мелкие поломки – всё за мой счёт. Организация, повысив мою «работоспособность», ловко скинула на мои плечи и содержание техники. Тонкий, почти гениальный в своём цинизме ход. Мне подарили иллюзию свободы, а по факту – приковали цепями расходов к этому байку, к этой работе, к этому офису с вечно орущим Джефри.

Глава 2

Я отпускаю сцепление. «Ямаха» срывается с места, встречая первый, тяжёлый удар дождевой капли по визору шлема. И я несусь в центр, навстречу разбушевавшейся стихии, чувствуя, как по спине бежит знакомый, леденящий холодок страха и безысходности.

В теории, ехать минут десять, если повезёт и не встряну в пробку. Но везение – не мой попутчик сегодня. Я даю газу, заднее колесо на мгновение буксует на мокром асфальте, и я срываюсь с места. Понимаю, что старенькую технику лучше не мучить такими резкими стартами, но время – это сжимающаяся тисками пружина. Она толкает меня вперёд, заставляя игнорировать осторожность.

Я ввинчиваюсь в поток, ловко, почти на автомате, маневрируя между каплями дождя, которые только-только здесь начинают падать, и бортами машин. Выбираю самые узкие щели, самые короткие пути, мысленно прокладывая маршрут по дворам и переулкам. Город мелькает в запотевшем визоре – серый, торопливый, равнодушный силуэтом.

Ровно в тот момент, когда я, забрызганная грязью с колёс, паркуюсь у подъезда стеклянного бизнес-центра, небо окончательно разверзается. Дождь обрушивается не каплями, а сразу целой стеной воды, с гулом барабанившей по крышам и асфальту. Я выхватываю из кофра папку, судорожно засовываю её под кожаную куртку, стараясь хоть как-то укрыть от потопа, и, не снимая шлема, бегу к вращающимся дверям.

Внутри меня встречает сухой, кондиционированный воздух и удивлённый взгляд охранника за стойкой. Он рассматривает меня, промокшую до нитки, с каплями, стекающими со всего обмундирования, и его лицо выражает тихое изумление. Да, не каждый день ему приходится видеть таких отчаянных и таких мокрых посланниц.

Я пробегаю к стойке регистрации, оставляя за собой мокрый след, протягиваю девушке-администратору спасённую папку. Та бе-

рёт её кончиками пальцев, с лёгкой брезгливостью. Затем, отойдя в сторону, достаю телефон. Палец дрожит от холода и напряжения, когда набираю номер.

– Заказ доставлен. Я всё успела, – голос звучит хрипло, но я стараюсь вложить в него максимум деловитости, отчитываясь перед Джефри.

– Ну надо же, какое достижение, – в трубке звучит знакомый, едкий сарказм. Он режет по живому. – Завтра не опаздывай. Будет много работы.

Щелчок. Он не попрощался. Просто бросил трубку, как выбросил бы обёртку.

Я стою посреди шикарного холла, чувствуя себя грязной, ничтожной мушкой, залетевшей не в то окно. Усталость накатывает внезапной тяжёлой волной, смешиваясь с облегчением и обидой.

Я выхожу обратно на улицу – и замираю. Картина за стеклянной дверью не просто изменилась – её стёрли и нарисовали заново. Стихия разошлась не на шутку. Дождь – это уже не явление природы, а сплошная белая стена, плотная, густая, ревущая. Видимость – метров пять, не больше. Вода хлещет с небес с такой силой, что, кажется, может проломить асфальт.

Разум шепчет: пережди. Хотя бы самый пик. Но тело кричит о другом. О ледящем холоде, пробирающем под мокрую кожу. О пустоте и урчании в желудке, который не видел еды с самого утра. О тяжёлой, ватности в ногах и спине. Я просто валюсь с ног. Мысль о тёплом душе, еде и мягкой постели манит, как мираж в пустыне. Это пересиливает голос разума.

С отчаянной решимостью я прыгаю на мотоцикл. Мотор заводится не с первого раза, будто тоже не хочет лезть в эту водную преисподнюю. Наконец, он рычит, и я выруливаю на залитую дорогу.

Удивительно, но для часа пика улицы полупусты. Лишь редкие фары маячат в белой пелене. Видимо, многие оказались умнее меня и решили переждать. «Но я ведь не из робких!» – бросаю я вызов

самой себе и судьбе, сжимая ручки газа и сцепления. Одну за другой обхожу редкие машины, уже мысленно ощущая тепло домашнего плёда.

И тут происходит всё разом.

Яркая, ослепительная вспышка молнии прожигает белое марево дождя, сливаясь на мгновение с фарами.

Одновременно оглушительный раскат грома сотрясает воздух, и проливной дождь бьёт в шлем с такой силой, будто хочет его раздавить.

На секунду, на вечность, я слепну и глохну. Полностью теряю связь с миром, с мотоциклом, с асфальтом.

Когда зрение возвращается, обрывочными, промокшими картинками, я понимаю всю глубину своей глупости. Мотоцикл, непослушный, вынесло на встречную полосу. Я не успеваю даже испугаться.

Мозг, работающий на автопилоте выживания, молниеносно оценивает ситуацию и принимает единственное решение: положить байк. Лучше скольжение, чем лобовой удар.

Но я не заметила её. Не заметила машину, мчавшуюся прямо на меня из завесы дождя. Фары, похожие на глаза разъярённого зверя, возникают внезапно, заполняя собой всё пространство.

Я не слышу звука удара.

Только вспышку. Белую, абсолютную.

Потом раскат грома – или это грохот металла?

А за ним...

Тишина.

Глухая, всепоглощающая, ватная тишина.

Интересно, а за ней хоть что-то есть?

Глава 3

Казалось, я пробыла в этой тьме целую вечность. Она была не пугающей, а сладкой и глубокой, как самый густой мёд, как забытье после невыносимой усталости. Она обволакивала, убаюкивала, не требовала ни мыслей, ни движения.

Интересно, многим ли людям удается побывать в таком состоянии полного отрешения? Я ведь сплю? Должна же я спать.

Только сон ощущался странно. Не было ни тела, ни его тяжести. Я словно пребывала в невесомости – легкая-легкая, парящая точка сознания.

А на душе... на душе было пусто и спокойно. Ни тревог, ни страха, ни этой вечной гонки. Очень не хотелось это прерывать.

Издалека, сквозь толщу этого сладкого забытья, начали пробиваться звуки. Незнакомые голоса. Они о чём-то спорили, нервничали, их интонации были резкими, оборванными. С моей новой, отстранённой высоты их суэта казалась смешной и нелепой. Что может быть важнее этого покоя? Чего они так мечутся?

И тут, вдалеке, я увидела свет. Не вспышку, а скорее, тёплое, золотистое пятно.

Оно пульсировало ровно, маняще. Оно казалось таким тёплым, таким добрым, что внутри зародилось непреодолимое желание – прикоснуться, приблизиться. Почти бездумно, движимая этим порывом, я потянулась к нему. Не рукой – у меня ведь не было рук, – а самой своей сущностью.

И сразу же в моё безмятежное существование, как нож, врезался резкий мужской голос:

– Эльмира! Ты пошевелилась! Какое чудо!

Звук был болезненным, слишком реальным. «Какое чудо», – с раздражением подумала я. Не знаю, что там у этого мужчины и у этой Эльмиры случилось, но не могли бы они потише? Тут люди вообще-то спят.

Так! Стоп!

Мысль пронеслась, холодная и трезвая. Где «тут»? Кто «люди»? Я... кто я?

Я напрягла память, то самое смутное чувство, которое должно было быть памятью. Но там была лишь каша из обрывков: низкий рёв мотора, завывание ветра, стена ледяного дождя, фары... и всепоглощающая белая вспышка. Больше ничего. Ни имени, ни лица. Пустота.

– Господин, сейчас не время! Идите, я вас позову, когда госпожа Эльмира будет готова пообщаться с вами, – затараторил другой голос, женский, пронзительный от нервозности. – Не уверена, что сейчас она готова полностью пробудиться! Надо убедиться, что с нашей госпожой всё в порядке, а только потом уже все посещения!

Раздался протяжный, раздражённый мужской вздох, полный недовольства и спешки.

– Полчаса. Не больше. Потом я требую полный отчёт, – прозвучало властно, и послышались тяжёлые, удаляющиеся шаги по чему-то твёрдому. Не по ковру. По паркету или мрамору.

– Разумеется, господин. Всё сделаю в лучшем виде, – покорно, почти заискивающе ответила женщина.

Скрипнула дверь. Шаги затихли. Наступила тишина, но уже другая – напряжённая, земная. Потом я услышала лёгкий вздох совсем рядом.

– Ох, госпожа Эльмира, поскорее бы вы очнулись. Юный господин нас всех со свету сживёт, если вы ещё хоть день пробудете в этом страшном состоянии.

В её голосе сквозила такая искренняя, испуганная жалость, что моё отрешение дало трещину. Мне стало жаль эту бедную женщину, её Эльмиру, всю эту суету, в которую я нечаянно погрузилась. Но я ничем не могла помочь. Я была лишь сторонним наблюдателем в этом странном сне. Что же всё-таки случилось с той девушкой? И почему это касается меня?

– Ну как же можно было пройти столь святой ритуал впасть в беспамятство?